

Г. Е. Лебедева, В. А. Якубский

ПРОФЕССОР О. Л. ВАЙНШТЕЙН В ГОДЫ БОРЬБЫ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ (из прошлого кафедры истории Средних веков СПбГУ)

История нашей послевоенной исторической науки изучена довольно однобоко и слабо. Медиевистика здесь не составляет исключения. Насколько далекими от реальности бывают укоренившиеся в научной и учебной литературе историографические стереотипы, как ограничен — и в то же время тенденциозно интерпретирован — круг доступной читателям информации касательно разыгрывавшейся в конце 1940-х — начале 1950-х гг. «драмы идей, которая была вместе с тем и драмой людей»¹, — все это стало особенно ощутимым после выхода в свет воспоминаний Е. В. Гутновой². Недаром они вызвали такой всплеск эмоций.

О ленинградских медиевистах тех лет известно еще меньше, чем о московских, которым посвящены книга Гутновой и выступления ее критиков. Правда, за последние годы в разработке данной темы на питерском материале тоже заметны сдвиги. В первую очередь нельзя не назвать публикации, что вошли в сборник, посвященный памяти Александры Дмитриевны и Владимира Сергеевича Люблинских³. Предлагаемая статья ставит своей целью по возможности пополнить сведения о том, как и чем жила кафедра истории Средних веков Ленинградского университета в недобной памяти времена борьбы с безродными космополитами. Обращение к жизни и творчеству ее многолетнего руководителя Осипа Львовича Вайнштейна (1894–1980), талантливого ученого и педагога, думается, вполне отвечает поставленной цели.

Южанин, выпускник (1919 г.), а с 1927 г. — профессор Одесского (Новороссийского) университета был приглашен в Ленинград в 1935 г. Там на не-

давно восстановленном историческом факультете Университета кафедра истории Средних веков осталась без заведующего. Совсем недолго занимавший этот пост Н. Н. Розенталь, ревностный пропагандист вульгарно-социологических схем, был убран по политическим мотивам, и заменить его оказалось некем. Ученые старой закалки были не в ладах с марксизмом-ленинизмом (а нередко — и с бдительным отделом кадров). Среди политически ангажированных молодых историков тоже не отыскалось подходящего кандидата. Наведенные о профессоре-одессите справки позволяли думать, что он способен поставить на ноги возрождаемую кафедру.

С одной стороны, он получил хорошую медиевистическую подготовку в Новороссийском университете, где его учителями были П. М. Бицилли, В. Э. Круслан, Е. Н. Щепкин. Его студенческое сочинение «Начало раскола в францисканском ордене» удостоилось золотой медали. Медиевистику он не забросил и потом, опубликовав ряд статей, в том числе небольшой «Очерк историографии западноевропейского феодализма» (1932 г.). С другой — занятия Средневековьем он сочетал с выступлениями на политически актуальные темы, писал о Великой французской революции и Парижской коммуне. Членом партии не был, но являлся одним из основателей и активистов украинского отделения Общества историков-марксистов. Вдобавок себя зарекомендовал умелым организатором.

Осип Львович оправдал надежды. Возглавив ленинградскую кафедру, он твердо проводил «партийную линию». Изобличал увлечения допшианстом и иными, на его взгляд, антимарксистскими теориями. Исполняя начальственное предписание, осенью 1937 г. на заседании кафедры клеймил как «политически вреднейший, возмутительнейший и заслуживающий категорического осуждения» поступок ее члена, профессора В. Н. Бенешевича, издавшего в гитлеровской Германии, через посредство Баварской академии наук памятники византийского канонического права⁴. В то же время Вайнштейн находил общий язык с такими видными представителями старой профессуры, как И. М. Грэвс и О. А. Добиаш-Рождественская. Привлекал к работе на кафедре их учеников. Будучи профессионалом высокого класса, требовал профессионализма и от сотрудников, заботился о подготовке аспирантов. Им были укреплены связи кафедры с другими научными учреждениями Ленинграда — Ленинградским отделением Института истории АН СССР, Публичной библиотекой, Эрмитажем. Благодаря этому в университете усилиями М. В. Левченко и др. стали возрождаться византиноведческие студии.

Если по научному уровню, да и по авторитету наша кафедра в предвоенные годы продолжала стоять примерно вровень со своим московским аналогом, если в трудных, порой трагичных обстоятельствах ею не были окончательно утрачены традиции петербургской школы и новое, воспитыва-

емое в марксистском духе поколение исследователей достаточно успешно входило в науку, то в этом была, бесспорно, и немалая заслуга Осипа Львовича.

Успехи наглядно проявились хотя бы в том, что труды членов кафедры заняли весьма значительное место в небогатой тогда советской литературе по медиевистике. Необычайно продуктивно работал сам О. Л. Вайнштейн. За 1936–1941 гг. им было напечатано около двух десятков больших и малых статей⁵. Особое внимание он уделил разработке учебных пособий по общему курсу истории Средних веков. Литографическим способом были размножены стенограммы 45 его лекций, прочитанных в 1936/37 учебном году. Вышло также шесть выпусков методических указаний по тому же курсу. Осип Львович был ответственным редактором посмертно изданной в 1938 г. книги П. П. Щеголева «Очерки истории Западной Европы XVI–XVII вв.». Как поясняла издательская справка, «лежащая в основе этой книги стенограмма курса П. П. Щеголева подготовлена к печати членами кафедры истории Средних веков истфака ЛГУ». Подготовка невыправленной автором стенограммы потребовала большой литературной и концептуальной правки. Последнюю в основном взял на себя Вайнштейн, постаравшийся в первую очередь свести к минимуму упоминания о торговом капитале и торговой буржуазии. Устранив «в наиболее решающих формулировках» следы влияния «школы Покровского» и иные «существенные дефекты», осторожный редактор на всякий случай оговорился: редакция сознает, что «не всюду ей удалось достигнуть этой цели с абсолютным успехом». Собственно, он выступил в роли соавтора — ему, по-видимому, принадлежит, например, обличительный отзыв о У. Черчилле как биографе герцога Мальборо. Для того времени и для Вайнштейна лично характерны критерии, с которыми он подошел к оценке лекций Щеголева. Среди их «несомненных достоинств» на первом месте у него стоит «широкое использование высказываний классиков марксизма-ленинизма», и только потом названы насыщенность фактическим материалом, интересные мысли и т. д.

Вместе с А. Д. Уdalызовым, Е. А. Косминским, С. Д. Сказкиным Осип Львович руководил созданием первого советского учебника по истории Средних веков для высшей школы. В первом томе (М., 1938) самому ему принадлежали три главы о европейской культуре V–XV вв. При переиздании первого тома в 1941 г. им были написаны разделы о Византии и южных славянах, о церкви и ересях XI–XV вв. Среди авторов второго тома (М., 1939) Вайнштейн не значился, но на него была возложена основная редакторская работы.

Наибольший интерес среди довоенных трудов О. Л. Вайнштейна представляет «Историография Средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала Средних веков до наших дней» (М.; Л., 1940). Выросшая из

упомянутого выше очерка 1932 г. и разработанного уже в Ленинграде лекционного курса капитальная монография была защищена как докторская диссертация, а Всесоюзный комитет по делам высшей школы допустил ее в качестве учебника для исторических факультетов. Рецензенты отмечали значительные достоинства книги, — находя их и там, где нынешний читатель скорее увидит слабости. По меньшей мере спорными оказываются многие из упреков автора в адрес «буржуазной историографии эпохи империализма». Крайне поверхностна и декларативна заключительная глава — «Марксистско-ленинская историография». Ее стержнем была стандартная для тех десятилетий формула: «Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин не только создали теоретические основы единственного подлинно научного направления в историографии, но и значительно продвинули вперед изучение конкретной истории Средних веков»⁶.

После войны, напротив, труд О. Л. Вайнштейна подвергается разгромной критике со стороны борцов с космополитизмом. Еще позднее его обвинят в догматизме. Однако что бы потом ни говорили строгие критики, каковы ни были бы действительные и мнимые слабости монографии, она являла собой плодотворную попытку привести в систему накопившийся за века историографический материал, построив стадиально-типологическую модель движения нашей отрасли исторического знания. Чтобы взяться за такое дело, требовалась незаурядная эрудиция — и немалая смелость. Не приходится забывать и о том, что этот опыт научного синтеза дал импульс ряду последующих исследований (в том числе и тех, чьи авторы обвиняли книгу 1940 г. во всех смертных грехах).

Война, которая забросила Осипа Львовича — вместе с Ленинградским университетом — в Казань, а затем в Саратов, не могла не отразиться на проблематике его трудов. Среди работ военных лет значительное место заняла историческая публицистика: «Железом и кровью. Судьбы гитлеровской Германии в зеркале истории» (коллективная брошюра 1941 г.), «Национальная демагогия германского фашизма» (статья 1942 г.) и др. Политические реалии той поры во многом обусловили выбор Вайнштейном нового объекта научных изысканий. В центре его внимания оказался общеевропейский конфликт XVII в. — Тридцатилетняя война.

Тема тем более увлекла ученого, что, как подчеркнет он в докладе, прочитанном в 1944 г., уже после возвращения нашего университета из эвакуации, роль России в период подготовки и в ходе Тридцатилетней войны была освещена в отечественной и зарубежной историографии совершенно неудовлетворительно. Взаимоотношения Москвы с Речью Посполитой, Швецией, Австрией, Турцией обычно рассматривались в отрыве от тех событий, что разыгрывались в Центральной Европе. Опираясь на обширный фонд опубликованных источников и на разноязычную литературу вопроса, Вайн-

штейн постарался восполнить пробел. Так, Смоленская война 1632–1634 гг. со стороны Москвы рассматривалась им как часть общего стратегического плана антигабсбургской коалиции, а неудача в этой войне — как часть общей неудачи, постигшей союзников в 1634 г. и обусловленной общей военной ситуацией в первые годы после гибели Густава-Адольфа.

Результатом изысканий стала выпущенная Госполитиздатом в 1947 г. монография «Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 гг.: Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII в.». Время наложило сильный отпечаток как на концепцию книги, так и на ее стилистику. Император Фердинанд II Габсбург именуется в ней «главой католической реакции и партии агрессивной немецкой политики во всем мире», восстание сословий в Чехии 1618 г. охарактеризовано как «национальная революция» и т. п. Вместе с тем превосходное знание общеевропейских реалий XVII в. и осторожность опытного исследователя удерживали О. Л. Вайнштейна от гиперболизации того вклада, какой внесла Москва в дело антигабсбургской коалиции. Критикуя старую историографию за пренебрежение к русской теме в истории Тридцатилетней войны, он в то же время скептически отзывался о предпринятой незадолго до того попытке проф. Б. Ф. Поршнева перегнуть палку в другую сторону, приписав позиции московского правительства решающее влияние на заключение польско-шведского перемирия в Альтмарке. Поскольку Альтмаркский договор 1629 г. явился необходимой предпосылкой вступления Швеции в борьбу с Габсбургами, по Поршневу получалось, что и самый исход Тридцатилетней войны был в значительной мере предрешен антигабсбургской ориентацией русской внешней политики⁷.

Е. В. Тарле в «Вопросах истории» (1948. № 3), А. Д. Люблинская в «Вестнике Ленинградского университета» (1948. № 7) отметили, что книга Вайнштейна является началом разработки большой и чрезвычайно актуальной для советской исторической науки темы. Не во всем соглашаясь с автором, напоминая о необходимости в дальнейшем привлечь архивные материалы, оба рецензента в целом высоко оценили новую монографию.

Б. Ф. Поршнев, что не удивительно, был другого мнения. Его рецензия, наряду с весьма дельными замечаниями, содержала откровенные придирики. В конечном счете он перевел спор в далекую от науки плоскость. «Оказывается, — писал Поршнев, на свой лад перетолковав суждения Вайнштейна относительно внешнеполитического курса Русского государства при первом Романове, — автор написал свою книгу о связи русской истории с историей Тридцатилетней войны не для того, чтобы опрокинуть мнение, будто Россия и Запад в XVII в. были изолированы друг от друга, а для того, чтобы показать вредность и беспочвенность попыток России выйти из состояния изоляции на общеевропейскую политическую арену»⁸.

В тональности отзыва сквозила личная обида. Так его и воспринял обруганный автор. Однако в данном случае рецензент не просто выразил свои чувства — он при этом учел новые идеологические веяния, которые набирали силу после выхода в августе 1946 г. постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Вскоре после постановления под удар попал посвященный Д. М. Петрушевскому второй выпуск сборника «Средние века» и т. д.

Как тогда воспринимались эти акции? Будет, пожалуй, к месту цитата из академических «Очерков истории исторической науки в СССР»: «ЦК ВКП(б) принял ряд постановлений, направленных против проявлений аполитичности и безыдейности на разных участках идеологического фронта. В них ставились вопросы идеологической работы, борьбы с буржуазной философией, идейного воспитания трудящихся, которые касались и историков и ориентировали их на решение важных задач. В условиях обострения противоречий между империализмом и социализмом было важно провести четкое и последовательное противопоставление марксистско-ленинских принципов пролетарского интернационализма идеям буржуазного космополитизма и национализма»⁹.

В 1970-е гг., когда все это писалось академиком Л. В. Черепниным, текст звучал как проявление откровенного обскурантизма или вынужденная дань партийной идеологии, другими словами — звучал фальшиво. Фальши в избытке хватало и в 40-х гг., и тем не менее, если говорить не о смысле событий, а только об их трактовке по горячим следам, то, насколько можно судить, приведенный выше набор казенных фраз более или менее адекватно отражал умонастроения многих. Ставшие расхожими обличительные тирады насчет влияния буржуазной идеологии на часть советских историков были созвучны тому, что тогда говорили и писали — не только по обязанности — О. Л. Вайнштейн и другие члены кафедры.

Подобным образом воспринимать происходящее вокруг ленинградским медиевистам было тем легче, что погромная критика их пока непосредственно не очень задевала. Так, весной 1948 г. Всесоюзное совещание заведующих кафедрами истории СССР университетов и педагогических институтов вынесло суровый приговор «Русской историографии» Л. Н. Рубинштейна (М., 1941) (которая до наших дней не выпала из научного обращения). Редакционная статья «Против объективизма в исторической науке» из декабрьского номера «Вопросов истории» за 1948 г. бичевала «ошибки и извращения» в трудах московских ученых. Из ленинградцев в ней досталось одному С. Н. Валку. Как бы стороной прошла и появившаяся 28 января 1949 г. в «Правде» зловещая статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». На истфаке ЛГУ мало кого обрадовало назначение в январе 1949 г. деканом проф. Н. А. Корнатовского, человека угрюмого и придирчивого, ни в чем не

похожего на своего предшественника В. В. Мавродина, но политический подтекст произведенной замены открылся не сразу.

Сколько мало осознавались масштабы надвигавшейся беды, видно по выступлению Вайнштейна на ученом совете исторического факультета 1 февраля 1949 г. С основанием считая себя опытным лектором, он охотно согласился выступить по вопросам методики преподавания и в спокойной, академической манере прочел доклад «О построении общеуниверситетских курсов истории»¹⁰. Докладчик, традиции не нарушив, произнес положенные слова об идеально-политическом воспитании студенчества, но все свое внимание сосредоточил на сугубо практической стороне дела — на том, как должен соотноситься лекционный курс с министерской программой и с учебником.

Убежденный, что лекция, строго следующая за всеми пунктами программы, неизбежно превратится в сухой конспект учебника, он отстаивал право преподавателя по своему усмотрению отбирать темы, на которых следует остановиться. Содержание курса может варьировать, например, в зависимости от состава аудитории, но при одном условии: оно, подчеркивал Осип Львович, обязано отвечать современному состоянию науки. Большое место предлагалось отводить при этом освещению спорных и запутанных проблем. В своих рассуждениях докладчик зашел так далеко, что даже усомнился, вообще нужны ли принятые у нас подробнейшие программы, которые лектору не приносят никакой пользы, а для нерадивого студента на экзамене становятся своего рода шпаргалкой.

Казалось бы, если в чем можно было упрекнуть Вайнштейна, так разве что в повторении общезвестных истин. Однако вопрос, заданный Н. А. Корнатовским по окончании выступления, сразу показал, что претензии будут куда более серьезными. Декана интересовало, распространяет ли докладчик свои рекомендации на преподавание истории партии и как они согласуются с указаниями ЦК ВКП(б) по поводу постановки изучения «Краткого курса». О. Л. Вайнштейн, конечно, поспешил заверить, что историю партии он в виду не имел, указав одновременно на неуместность сравнения «Краткого курса» с обычными учебниками, о которых идет разговор. Контрвыпад не помог. Доц. Г. В. Ефимов, проф. Н. А. Корнатовский и другие выступившие строго напомнили, что «общий курс должен быть большевистским, воинствующим курсом» и т. п. В конце растерявшемуся Вайнштейну, который сам умел произносить речи в духе воинствующего марксизма-ленинизма, но не привык быть объектом таких проработок, не оставалось ничего лучшего, как признать себя «плохим методистом».

Две недели спустя заведующие кафедрами на заседании ученого совета истфака отчитывались о состоянии идеально-воспитательной работы. И на этот раз Вайнштейну пришлось самокритично признать свои серьезные промахи — оказалось, медиевистами все еще даже не обсуждался вопрос об

идейно-политическом самовоспитании членов кафедры. «Есть, — записано в протоколе, — черты формализма в проработке работ Ленина и Сталина»¹¹.

Впрочем, все это были еще цветочки по сравнению с тем, что последовало в самом недалеком будущем. Антикосмополитская кампания раскручивалась стремительно и повсеместно. Среди историков каждый день находили новых и новых низкопоклонников перед Западом. Царил своеобразный демократизм: обличителями именитых ученых выступали люди, мало чем себя проявившие в науке (нередко — попросту невежественные). Откуда и по какому поводу будет брошен камень, предугадать бывало трудно. Так, 16 марта 1949 г. «Учительская газета» довела до всеобщего сведения, что на партсобрании в Учебно-педагогическом издательстве суровой критике были подвергнуты академик Косминский и его соавторы по «Методическим указаниям по истории Средних веков», где история была представлена «как всемирно-исторический процесс без учета национальных особенностей каждой в отдельности страны». Коль в безобидной методичке нашли проявления космополитизма и буржуазного национализма, то обрушиться на «Историографию» Вайнштейна сам бог велел. Книга, которую еще недавно хвалили за широту авторского кругозора, за проблемность и новаторство, вдруг стала идеальной мишенью для нападок, чуть ли не каждую уважительную оценку трудов иностранного ученого начали ставить Вайнштейну в вину.

Истфак ЛГУ несколько запаздывал с активным включением в охоту на космополитов. Зато деканат и партбюро постарались, и проходившая 4–5 апреля теоретическая конференция «Против космополитизма в исторической науке» по своей агрессивности даже обогнала многие из подобных мероприятий. Ее стенограмма не способна передать всего накала страсти, а тех, кто присутствовал тогда в набитом до отказа лектории исторического факультета, порой подводит память. Потому описания происходившего не во всем совпадают, иные из выступлений участников толкуются по-разному. У В. М. Панеяха, к примеру, речь В. В. Струве ассоциировалась с нелепой похвалой академика своими высокопоставленными учениками, хотя, на наш взгляд, вернее было бы подчеркнуть другое: В. В. Струве, раз ему уж все равно пришлось взять слово, предпочел рассуждать о собственном недостаточном владении марксизмом, чем громить своих коллег. С другой стороны, трудно согласиться с мнением, что «М. С. Коган выступил решительно и смело, в отличие от многих других, весьма достойно»¹². Стенограмма его выступления пестрит грубыми выпадами в адрес Н. Н. Пунина, В. Б. Шкловского, Л. З. Трауберга.

Устроители конференции не пустили дело на самотек. Тщательно подбирались кандидатуры — кого кто будет изобличать. Без О. Л. Вайнштейна — правоверного, всегда активно откликавшегося на все руководящие указания партийца (членом ВКП(б) он стал в 1942 г.), к тому же — единственному

го, можно сказать, профессионального историографа на факультете, чьи труды, однако, оказались несозвучными текущему моменту, — теоретическая конференция, все понимали, не обойдется. Вопрос был в том, какую роль ему отведут — инквизитора либо кающегося грешника? Без признания собственных ошибок ему тоже было, очевидно, не обойтись. Тем не менее включение в повестку первого дня конференции его доклада под названием «Космополитизм в исторической науке и борьба с ним» указывало как будто на первый из вариантов.

В таком ключе О. Л. Вайнштейн и начал свой длинный, в стенограмме занявший 20 страниц машинописи доклад¹³. Теоретическая часть, призванная «выяснить происхождение космополитизма, его корни, его связи с силами реакции», была, как из кубиков, собрана из броских клише: «космополитизм и национализм — это родные братья», «от космополитизма до буржуазного национализма один только шаг», «космополитизм служит только прикрытием для крайнего агрессивного национализма» и пр. В число промежуточных ступеней на многовековом пути становления космополитических идей докладчик записал и всегда привлекавшее его Просвещение. Вольтер, любимый его писатель, которого он в свободные минуты читал и перечитывал, и прочие энциклопедисты были аттестованы в докладе как люди, сочетающие космополитизм с французским буржуазным национализмом...

Аудитория, вполуха слушавшая знакомые общие фразы, насторожилась, когда Вайнштейн, напомнив: «Нас здесь интересуют формы болезни космополитизма в советской исторической науке», — перешел к отечественным носителям вредоносных идей. Таковые он подразделил на три категории.

В первую попали компаративизм и соответственно компаративисты во главе с академиком А. Н. Веселовским. Прежде Осип Львович не считал историко-сравнительные изыскания бесплодными и антинаучными, а основоположнику этого направления в российском литературоведении отводил почетное место в историографии Средних веков. Но времена изменились. Сейчас покойный академик многим конъюнктурщикам и недоучкам представлялся чем-то вроде мальчика для битья, и докладчик, замаливая свои идеологические прегрешения, не мог не осудить Веселовского. Присутствовавшим в лектории медиевистам это было понятно, но они никак не могли себе объяснить, чего ради тут же раскритикован М. М. Ковалевский, да еще в качестве автора «Английской пугачевщины». Было заявлено: эта статья «грешит космополитизмом и антиисторичным компаративизмом», хотя даже по логике ревнителей российских приоритетов работа о восстании Уота Тайлера в 1381 г. — предшественница классической монографии Д. М. Петрушевского — скорее заслуживала бы похвалы.

«Другая группа космополитических ошибок в историографии, — продолжал докладчик, — связана с недооценкой, а иногда и с полным игнориро-

ванием значения своей родины в международной жизни минувших столетий и десятилетий. Этот уклон обычно сопровождается недооценкой или игнорированием отечественных источников». В виде характернейшего примера раболепия дореволюционной русской интеллигенции перед иностранницей были названы труды Г. В. Форстена, те самые, о которых до того Вайнштейн отзывался с неизменным уважением. В 1940 г. писалось, что события в Балтийском регионе XV—XVII вв. — борьба Дании с Ганзой, важные проблемы Тридцатилетней войны, русско-шведских и русско-датских отношений были этим ученым освещены с исчерпывающей полнотой на основании многочисленных и впервые привлеченных архивных материалов¹⁴. Совсем недавно, в 1947 г., уже сделав поправку на новые веяния в политике и отметив, что Форстен «не дает русского аспекта общеевропейского военного кризиса», Вайнштейн тем не менее отдавал должное ученому, в чьих исследованиях «заключено немало материалов, проливающих свет на международные связи России»¹⁵. Ныне же все виделось в другом свете: «На тысячах страниц своих трудов Форстен цитирует только иностранные источники и только иностранную литературу», «он дает не русский, а датско-шведско-голландско-германский, т. е. космополитический аспект борьбы за Балтику».

К третьей группе Осип Львович отнес космополитические ошибки и извращения, вытекающие «из погони за последним словом западноевропейской науки». На роль представителя тех историков, что недооценивают отечественную научную литературу, не видят ее оригинальности, самостоятельности, ее влияния на мировую историческую мысль, он избрал академика Д. М. Петрушевского. На этот раз не было нужды кривить душой: ортодоксальный марксист Вайнштейн во все времена отрицательно относился к методологическимисканиям автора «Восстания Уота Тайлера»¹⁶. Он не удержался от соблазна изобразить научный путь академика как ряд попреренных увлечений модными на Западе теориями — экономизмом, потом риккертинством, потом идеями Макса Вебера и Альфонса Допша. Не без удовлетворения констатировалось, что в печати уже осудили «несколько крупных московских медиевистов» (т. е. Е. А. Косминского и др.) за попытку во втором выпуске сборника «Средние века» представить Петрушевского стихийным марксистом.

Нетрудно было, следуя развязной манере тогдашней прессы, издеваться над космополитом Петрушевским («Что ему книга последняя — конечно, иностранная — скажет, то на душе его сверху и ляжет») или — опять же в духе времени — круто изменив свою позицию, чернить Форстена, которого вчера хвалил. Но страшила необходимость от чужих грехов переходить к собственным идеологическим ошибкам, на которые уже строго указала партийная критика. Нельзя было их не признать и не менее опасно — пере-

усердствовать в самобичевании. Сознание всего этого, очевидно, и придало докладу необычные для О. Л. Вайнштейна сбивчивость изложения, частые повторы, немотивированность отбора привлекаемых имен и произведений, явный перебор в хлестких оценках...

В свете новейших партийных установок оказавшиеся неуместными суждения о Ковалевском или Форстене все же не составляли большого криминала. Несравненно весомее была инкриминируемая Осипу Львовичу антипатриотическая недооценка мирового значения русской медиевистики. Поневоле прозревший под напором упреков «советской общественности», докладчик признал в целом порочной главу «Историография Средних веков в дореволюционной России» из своей книги 1940 г. Заодно он радикально пересмотрел отношение к зарубежной русистике. «Что сделала западноевропейская наука для истории России Средних веков?» — задавал он риторический вопрос и решительно отвечал: «Ровным счетом ничего». По его словам, среди западных авторов нельзя назвать хотя бы одного, кто «в области истории России мог бы сравниться даже с рядовым русским историком». Можно себе представить, под каким идеологическим прессом должен был находиться добросовестный и знающий человек, чтобы сказать подобное о Г. Ф. Миллере, А. Л. Шлецере, А. А. Кунике.

В публичном покаянии никуда было не уйти от вопроса о Т. Н. Грановском, вернее — о данной в 1940 г. оценке его трудов: «Ученые произведения Грановского отличаются большим художественным достоинством, но они ничего нового в науку не вносят»¹⁷. В довоенную пору оценка не привлекла ничьего внимания. Профессору всеобщей истории Московского университета и другу Герцена исследователи отводили видное место в истории русской общественной мысли XIX в., но его научное наследие котировалось невысоко. Кто мог предвидеть, что во второй половине 1940-х гг. на волне поощряемых властью ксенофобии и маниакального поиска российских приоритетов акции Грановского-ученого так резко пойдут вверх. Сложно угадать, что двигало его апологетами — искренняя вера, давление обстоятельств или карьерные мотивы, но результат был налицо. В выступлениях С. А. Асиновской, Е. В. Гутновой, В. Е. Иллерицкого и др. Грановский предстал основоположником отечественной медиевистики, который во многих отношениях превосходил О. Тьери, Ф. Гизо и других корифеев западной науки. Мало того, официальная пропаганда повернула дело так, что оценка научных заслуг Т. Н. Грановского стала чем-то вроде лакмусовой бумажки при проверке историографов на патриотизм.

Осип Львович, в докладе имени Грановского «крупнейшим русским ученым», полностью отрекся от прежних, ныне звучавших кощунственно, своих слов. Главную вину за обнаружившиеся здесь «проявления раболепия перед иностранной наукой» он переложил на покойного (умер в 1931 г.)

харьковского антиковеда и историografa В. П. Бузескула, у которого-де им были бездумно, некритично, без собственного изучения материала похищены и заимствованы в корне неверные суждения. «Правда, — с некоторой торжественностью продолжал докладчик, — марксистско-ленинская методология уберегла меня от повторения некоторых грубейших ошибок Бузескула» (каковые тут же были подробно перечислены). Всерьез воспринимать объяснения Вайнштейна не приходится. Он знал труды самого Грановского, знаком был с литературой о них, частично указанной в примечаниях к данному разделу «Историографии». Следы знакомства видны и в тексте раздела — так, речь «О современном состоянии и развитии всеобщей истории» (1852 г.) цитируется по работе П. Н. Милюкова. Но, понятно, в 1949 г. лучше уж было сознаться в заимствовании у советского академика Бузескула, чем у белоэмигранта Милюкова.

Трагикомизм ситуации состоял в том, что, по сути дела, О. Л. Вайнштейну особенно каяться было не в чем. Когда сегодня читаешь раздел о Т. Н. Грановском из «Историографии Средних веков», не понять даже, чего ради эти две с половиной страницы вызвали столько шума и столь дорого обошлись автору. За прошедшие десятилетия информация о Грановском и его эпохе обогатилась заметно. Опубликованы его лекционные курсы, о нем написано немало статей и книг. Тем не менее текст Вайнштейна не кажется безнадежно устаревшим. Конечно, требует коррективов его трактовка либерализма, западничества, славянофильства, порой режет глаз привычная для 1930-х гг. лексика. Но характеристика Грановского-ученого, на наш взгляд, в целом выдерживает проверку временем.

Что, кроме квазипатриотической риторики, можно противопоставить, скажем, таким утверждениям: «Докторская диссертация об аббате Сугерии, написанная под сильным влиянием “Писем об истории Франции” Ог. Тьери, является хорошей для своего времени работой, но она никаких новых путей в науке не прокладывала... Не будучи исследователем, Грановский самостоятельно перерабатывал продукцию европейской исторической мысли и был даже по нашим масштабам исключительно широко образованным историком. Не случайно тогда и много позднее оппоненты Вайнштейна уклонялись от анализа отдельных произведений Грановского. Избегали они и конкретного сопоставления работ московского профессора с книгами его современников-французов и немцев. В ход пускались обороты типа: “Грановский высказал мысли раньше, чем многие из западных историков...”¹⁸, “В отличие от большинства историков...”¹⁹. Не менее показательно, что, когда утихнет охота на ведьм, те же бдительные поклонники Грановского как ни в чем не бывало станут использовать предаваемые анафеме в 1949 г. формулировки вроде “Вслед за Тьери Грановский сочувственно говорил...”²⁰ или “Грановский вслед за Гизо считал...”²¹.

Так что Осипу Львовичу было что ответить на обвинения. Он мог напомнить также, что Н. Н. Страхов и другие люди не самого прогрессивного образа мыслей не раз называли космополитом самого Грановского. Мог опереться на авторитетное мнение Н. Г. Чернышевского, который весьма чтил историка, но тем не менее писал о нем: «Человек, по природе и образованию призванный быть великим ученым и шедший всю жизнь неуклонно и неутомимо по ученой дороге, не оставил, однако, по себе сочинений, которыми наука двигалась бы вперед»²². (Это место из статьи «Сочинения Т. Н. Грановского» почитатели Грановского тех лет, обильно цитируя великого революционного демократа, никогда не упоминали.) Вместо того Вайнштейн капитулировал, понимая, должно быть, самоубийственность любой попытки доказывать свою правоту. Возможно, сработал и воспитанный советской системой рефлекс: раз партийная печать говорит, что Грановский — великий исследователь, значит, так надо.

Урок 1949 г. Осип Львович усвоил твердо и два десятилетия спустя, совсем уже в иных обстоятельствах, писал о Грановском как об «основоположнике русской медиевистики»²³. Правда, в лекциях по историографии, какие ему довелось еще два года читать на истфаке ЛГУ, онставил вопрос о том, что — при всей относительности понятия «основоположник» — на это звание с не меньшим основанием имел бы право претендовать Н. В. Гоголь, который в 1834–1835 гг. был адъюнктом всеобщей истории Петербургского университета. Собственно, мысль об этом сквозила и в книге 1940 г.²⁴ К слову сказать, в учебнике Е. В. Гутновой, где русской медиевистике XIX в. отведена сотня страниц — раза в три больше, чем у Вайнштейна, имя Гоголя вообще не фигурирует.

Докладчик заверил аудиторию, что им делается все, что в его силах, для искоренения объективизма, аполитичности, преклонения перед иностранщиной, для разоблачения реакционности современной буржуазной, особенно американской, историографии. В том числе он перерабатывает свою «Историографию». «Готовясь к переизданию данной книги, — продолжал Вайнштейн, — переосмысливая весь материал в духе установок партии по идеологическим вопросам, я считаю первейшим партийным долгом и долгом научной чести не только квалифицировать упомянутые ошибки как космополитические и антинаучные, но и сделать все возможное для их скорейшего устранения».

Под занавес было признано наличие космополитических ошибок и в новейшей, 1947 г. издания, монографии «Россия и Тридцатилетняя война». Автор настоятельно подчеркнул, что обратился к далекой от его прежних научных интересов теме из патриотических побуждений — необходимо было показать истинную роль России в международной жизни первой половины XVII в., замалчиваемую как в зарубежной, так и в русской литературе.

Однако, самокритично констатировал О. Л. Вайнштейн, увлеквшись использованием враждебных России источников, он невольно сместил всю историческую перспективу и перенес логический центр тяжести от России к Западной Европе, «тогда как в советской книге должно было бы быть наоборот». Чтобы исправить положение, он в своей дальнейшей работе над темой делает упор на материалы Центрального государственного архива древних актов и надеется на помощь со стороны коллег-историков СССР.

Выступление, как положено, заканчивалось на оптимистической ноте. Приветствуя принципиальное, честное, не считающееся с мелкими уколами самолюбия, т. е. глубоко партийное обсуждение, докладчик воскликнул: «Так и только так, коллективными усилиями и взаимной помощью друг другу, беспощадной борьбой со своими ошибками, мы можем творить историческую науку, достойную сталинской эпохи».

Образец взаимной помощи и беспощадной борьбы с ошибками был продемонстрирован Осипу Львовичу с трибуны теоретической конференции на следующий же день. Слово взял преподаватель кафедры истории СССР В. И. Легкий, мотивировав появление на трибуне тем, что О. Л. Вайнштейн накануне так и не подверг свою последнюю книгу должной критике. Но по всем признакам речь Легкого²⁵ не была импровизацией. Он, похоже, выполнял заранее полученное партийное поручение, т. е. устроители конференции, по-видимому, не желали дело о космополитизме профессора Вайнштейна спускать, как говорится, на тормозах. Покаянного доклада им оказалось недостаточно, и они предусмотрели выступление, клеймящее «крупные ошибки в оценке внешней политики Русского государства».

В. И. Легкий в суждениях о монографии «Россия и Тридцатилетняя война» избегал полутона. По его утверждению, ее автор приступил к выполнению важной задачи — анализу внешней политики Московского государства в первой половине XVII в. — с совершенно недостаточными средствами: в основу были положены тенденциозно подобранные публикации источников, дающие превратные представления о роли России в европейской политике, сугубо объективистский подход к работам буржуазных, в особенности иностранных, историков губительно отразился на содержании книги и т. п.

Оратор длинно перечислял претензии по поводу освещения отдельных эпизодов дипломатической и военной истории накануне и в период Тридцатилетней войны. В любом упоминании автора о недостаточной осведомленности Москвы в европейских делах или о ее промахах на дипломатическом поприще Легкому виделось неуважение к прошлому нашей страны. Больше всего возмущали его предлагаемые Вайнштейном объяснения причин тех или иных событий.

Проблема каузальных связей, как известно, принадлежит к числу самых трудноразрешимых. Редко когда историк способен однозначно выявить ло-

гику закулисных переговоров и без колебаний ранжировать факторы, которые привели, например, к подписанию мирного договора. Те же трудности стояли перед О. Л. Вайнштейном, когда он, скажем, искал главную причину, заставившую польского короля Сигизмунда III в декабре 1618 г. заключить Деулинское перемирие с Москвой. Исследователь отметил, что за два месяца до того сорвалась попытка поляков штурмовать русскую столицу, что в Речи Посполитой крепло недовольство затянувшейся войной. Однако на первое место им был — в соответствии с показаниями источников — поставлен нажим со стороны союзницы поляков — Австрии, которая в тот момент остро нуждалась в помощи и требовала, чтобы Сигизмунд поскорее развязал себе руки на Востоке.

В. И. Легкого доводы Осипа Львовича нисколько не удовлетворили. По его словам, профессор Вайнштейн совершенно сбросил со счетов героическую борьбу русского народа за свою государственную независимость. На самом деле Деулинское перемирие стало «результатом банкротства всех захватнических планов Польши в отношении России». Неудача октябрьского штурма Москвы поставила польскую армию «в безвыходное положение». Увлекшись разоблачением книги и ее автора, Легкий не заметил (а ему, разумеется, никто не указал), что при такой постановке вопроса политика русского правительства выглядит по меньшей мере глупой. Ведь условия перемирия 1618 г. были для Москвы весьма тяжелыми, они оставляли за поляками Смоленск, Чернигов и многие другие города. Впрочем, в выступлении В. И. Легкого страдала не только логика. Оратор не удержался от прямой передергушки. Заявлено было, что Вайнштейн представил Москву «в качестве объекта европейской политики». Взятые в кавычки слова, сопровожденные отсылкой к соответствующей странице книги, создавали впечатление, что такова позиция автора. В действительности же слова вырваны Легким из контекста, где Осип Львович как раз критиковал Г. В. Форстена за такой подход к проблеме.

Пропитанная демагогией речь В. И. Легкого кончалась выводом: «Книга Вайнштейна, несмотря на добрые намерения автора, дезориентирует советского читателя».

Критиковали Осипа Львовича и некоторые другие собратья по факультету. Профессора А. И. Молока возмутил раздел «Историографии Средних веков», посвященный современной американской науке — точнее, даже не сам раздел, а его заголовок: «“Расцвет” медиевистики в США». Слово «расцвет» автором книги было взято в язвительные кавычки, и весь текст раздела свидетельствовал о самом пренебрежительном отношении историографа к американским средневековым студиям. Но Молока этот никак не удовлетворяло: разве можно говорить о расцвете — пусть даже в кавычках — науки в Соединенных Штатах? — с негодованием задавал он риторический вопрос.

Итоги теоретической конференции подводил Н. А. Корнатовский. Он заявил, что ошибки антипартийного характера, допущенные преподавателями истфака, позволяют говорить о серьезном неблагополучии на факультете. Адрес критики был обозначен так: «О. Л. Вайнштейн и другие». «Я не думаю, — развивал свою мысль декан, — что в работах Вайнштейна были только отдельные ошибки и отдельные ошибочные формулировки и положения. Видно, следует признать О. Л. Вайнштейну определенную неверную направленность своей работы...»²⁶

Осип Львович, которому неделю спустя при обсуждении на ученом совете вопроса «О борьбе с космополитизмом в исторической науке» еще раз строго напомнили о его прегрешениях²⁷, оказался единственным на факультете медиевистом, которого выбрали мишенью массированных проработок. В. М. Панеях напрасно внес в перечень ученых, подвергшихся на конференции грубым нападкам, наряду с Я. С. Лурье, С. Н. Валком, О. Л. Вайнштейном и др. также Матвея Александровича Гуковского²⁸. Месяца через три Гуковский вместе со своим младшим братом-филологом будет арестован как враг народа; пока же его, как и остальных членов кафедры истории Средних веков, ежели упрекали за проявления космополитизма, то лишь мимоходом. Он тоже выступил на теоретической конференции — на втором заседании, еще до речи В. И. Легкого²⁹. Ему как-то удалось более или менее остататься в кругу общих научнообразных рассуждений. Профессор с пафосом говорил о проблеме Возрождения и идущей вокруг нее идеологической борьбе, «в которой с большой яркостью и полнотой отражается как воинствующая реакционная сущность гниющей исторической науки буржуазных стран и в первую очередь США, так и непобедимая, строго научная обоснованность исторических концепций, построенных на гранитном фундаменте учения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина». Неизбежные критика коллег и самокритика присутствовали в аптекарских дозах. М. А. Гуковский обещал, что в подготовленном им втором томе монографии «Итальянское Возрождение» полностью ликвидирует объективизм, что буржуазные работы будут оцениваться «достаточно критически и зло». По причинам, от автора не зависящим, второй том увидел свет только в 1961 г.

Кто думал, что признание ошибок — реальных и мнимых, разрядит обстановку на факультете, тот сильно заблуждался. На истфаке, как и по всей стране, антикосмополитская кампания набирала обороты. Сполна это ощущали в июне, когда проводилась переаттестация преподавательского состава. Ежели прежде главной уликой служило печатное слово, то аттестационная комиссия, которую возглавлял декан, взвешивала все — степень участия в общественной жизни факультета, успехи в политическом самообразовании и т. д. Не брезговала комиссией и средствами тайного сыска. Кафедра истории Средних веков едва не лишилась доцента А. Д. Люблинской;

у нее, помимо «ошибок объективистского характера», нашли и другие, того же рода, провинности³⁰.

Для Осипа Львовича проверка прошла сравнительно благополучно. 21 июня 1949 г. комиссия утвердила следующую аттестацию:

«Вайнштейн О. Л., 1894 года рождения, еврей, член ВКП(б) с 1942 г., доктор исторических наук, профессор. Общий стаж педагогической работы — 29 лет.

Вайнштейн О. Л. является крупным специалистом в области истории средних веков. Его научные интересы последних лет лежат, главным образом, в области истории варварских государств, проблем историографии, истории флота и истории взаимоотношений Московской Руси и Западной Европы в 16–17 вв. Имеет 70 печатных работ.

В работах “Историография средних веков” и “Россия и Тридцатилетняя война” допустил ряд ошибок космополитического характера, отмеченных в ряде научных учреждений Москвы и Ленинграда на заседаниях, посвященных борьбе с космополитизмом в исторической науке.

Во время обсуждения его работ проф. Вайнштейн выступил на теоретической конференции исторического факультета и на партийном собрании, посвященных борьбе с космополитизмом, с развернутой самокритикой, признав все свои ошибки и дав обязательство исправить их в ближайший срок. Ученый совет и партийная организация ф-та, приняв во внимание искренность и правильность его самокритического выступления, уверены, что О. Л. Вайнштейн в ближайшее время выступит в печати и исправит допущенные ошибки.

О. Л. Вайнштейн обладает хорошими способностями педагога, четкостью формулировок и ясным, живым языком, пользуется как лектор большим уважением в университете, и в других высших учебных заведениях. Как заведующий кафедрой обладает организаторскими способностями и умением правильно расставить педагогические кадры.

По совместительству работает директором Научной библиотеки им. Горького ЛГОЛУ [т. е. Ленинградского Государственного ордена Ленина Университета. — Г. Л., В. Я.]. За самоустраниние от контроля за факультетскими библиотеками, в результате чего одна из них оказалась засоренной литературой, подлежащей изъятию, Бюро Ленинградского ГК ВКП(б) объявило проф. Вайнштейну выговор без занесения в личное дело.

О. Л. Вайнштейн выполняет партийные поручения (пропагандист, куратор студенческого научного общества). Имеет правительственные награды: орден “Знак почета”, медали “За оборону Ленинграда”, “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”. Занимаемой должности соответствует.

[Рекомендовать] подготовить работы, исправляющие допущенные ошибки космополитического характера, и усилить работу по повышению своего идеино-теоретического уровня.

Председатель Аттестационной комиссии, декан исторического факультета проф. Н. А. Корнатовский
Секретарь Комиссии [В. К.] Анисимова»³¹.

Не так давно утверждалось нечто иное. «В лице Вайнштейна, — гласила подшипая тут же, в личном деле, характеристика за подписями ректора А. А. Вознесенского и декана В. В. Мавродина, — историческая наука имеет ученого исключительной широты и глубины, настоящего преподавателя “всемирной истории” в полном смысле этого слова, исследователя-мастера и опытного педагога, умело сочетающего научную и учебную работу с работой общественной и административной»³².

Однако в 1949 г. и полученной Осипом Львовичем аттестации можно было радоваться. Времена становились все строже. Всюду раскручивалось так называемое Ленинградское дело, хотя для политических репрессий хватало и других поводов. Среди пострадавших оказался Н. А. Корнатовский — его арестовали по вовсе несуразному обвинению в троцкизме. Арест М. А. Гуковского неизбежно привлек к кафедре усиленное внимание со стороны не только партбюро и деканата, но и так называемых органов. На изменения политического климата чутко реагировали издательства. Был рассыпан среди прочих набор подготовленного кафедрой учебника по истории Средних веков для неисторических факультетов.

Дела шли вкось не только на истфаке. Нарастало напряжение вокруг университетской Библиотеки им. Горького, которой по совместительству заведовал Вайнштейн. Библиотека при нем заметно пополнила свои иностранные фонды. Он, помимо прочего, наладил тесный контакт со Львовым, где происходило слияние национализированных мелких библиотек, сопровождавшееся изъятием из обращения идеологически подозрительной литературы. Новое начальство списывало в макулатуру или сваливало в подвалы дублеты даже редких изданий, и местные библиотекари были рады спасти хотя бы часть книг, передав их Ленинградскому университету. Теперь, в конце 1940-х гг., Библиотекой им. Горького эта работа была свернута. Зато активизировалось изъятие книг по постоянно расширявшимся горлитовским спискам, книжные фонды проверялись разными комиссиями, в любом пустяке готовыми увидеть идеологическую диверсию. На экономическом факультете очередные проверяющие наткнулись на старую каталожную карточку, на которой фигурировало название ленинской работы 1920 г. «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках тов. (курсив наш. — Г. Л., В. Я.) Троцкого» (тогда как в новом, четвертом издании сочинений Ленина словечко «тов.» уже было убрано редакцией). Проявив-

шую политическую слепоту библиотекаршу немедленно выгнали с волчим билетом, а библиотечное руководство, включая Осипа Львовича, имело большие неприятности.

В конце концов по приказу ректора О. Л. Вайнштейн был с 1 января 1950 г. освобожден от обязанностей директора Библиотеки по его собственной просьбе. В том же январе 1950 г. — и тоже «согласно личной просьбы» — он перестал быть заведующим кафедрой, но остался ее профессором. Одновременно на факультете была произведена структурная реформа: кафедру истории Средних веков объединили с кафедрой византиноведения, которая — единственная в Советском Союзе — была создана осенью 1945 г. и которую возглавлял Митрофан Васильевич Левченко. Его министерство и поставило во главе кафедры истории Средних веков и византиноведения, как она теперь именовалась (правда, длинное название не привилось, и дөвесок скоро отпал). Заодно под предлогом такой перестройки у нее отняли несколько преподавательских ставок.

Подобного рода структурные и персональные перемены, как всем известно, несут с собой кардинальную ломку сложившегося порядка, а нередко — еще и склоку. С приходом М. В. Левченко ничего похожего не произошло. Полагавшиеся по должности речи об укреплении, усилении и т. п. он произносил, однако с подчеркнутым уважением относился к кафедральным традициям. Сама по себе, может быть, и малозначительная, но запомнившаяся сотрудникам деталь во взаимоотношениях двух заведующих — бывшего и нового: с первого же заседания Митрофан Васильевич не занял председательского кресла во главе стола, под портретом И. М. Грэвса, а сидел рядом с остальными членами кафедры; так продолжалось до тех пор, пока Осип Львович не взял его под локоть и не усадил в пустовавшее кресло.

Все эти долгие месяцы Вайнштейн держал себя в руках, во всяком случае — на работе не показывал, сколь остро он переживает происходящее. По-прежнему вел лекционные курсы и семинары, часами занимался у себя дома с дипломантами и аспирантами. Осенью 1950 г. в аспирантуру поступил его ученик В. М. Алексеев, будущий видный историк, известный такими своими книгами, как «Венгрия — 56: прорыв цепи» (М., 1996), «Варшавское восстание» (СПб., 1999) и др. В качестве диссертационной темы он вместе со своим научным руководителем избрал «Аграрные отношения в Чехии и Моравии с середины XV до середины XVII в. (К вопросу о социально-экономических предпосылках Белой Горы)». Другой своей аспирантке, Э. Д. Фельдман (Рухмановой) Осип Львович предложил тему, тоже связанную с социально-политической проблематикой XVII в. — «Борьба России за выход в Балтийское море в 1656–1661 гг.».

О. Л. Вайнштейн продолжал собственные исследования. Не приходится удивляться тому, что шли они туда. Но он заставлял себя браться за перо.

В «Вестник ЛГУ» ученый сдал статью «Роль и значение нашей Родины в истории Западной Европы в Средние века» (опубликована в 1950 г.), для «Ученых записок» подготовил обширную статью «Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII в.» (вышла в 1951 г.). В статьях отчетливо прослеживается стремление автора соответствовать тем рекомендациям, которые были им получены при прохождении факультетской аттестации. Но и несомненное влияние политической конъюнктуры не мешает увидеть в них черты «вневременного» исследовательского профессионализма. Ученый не оставался в стороне от дискуссионных проблем, живо реагировал на новинки литературы — как, например, на появившуюся в 1949 г. монографию М. А. Алпатова о политических идеях французской буржуазной историографии XIX в. — книгу, которую считал (не без основания) конъюнктурной и вульгарной. Но свои чувства по ее поводу выражал в устной форме. От мысли вступить в печатную полемику с Алпатовым он отказался, сознавая, что никакая редакция не примет рецензии или статьи, направленной против входившего в высокие партийные инстанции и облаксанного центральной прессой автора. Примерно по тем же соображениям он не стал разворачивать полемику с Б. Ф. Поршневым.

На исходе 1940-х гг. профессор Б. Ф. Поршнев достиг зенита своей славы. В 1948 г. вышла его монография «Народные восстания перед Фрондой (1623–1648)», в которой утверждалось, что поначалу Фронда являлась попыткой буржуазной революции, потерпевшей неудачу из-за предательства буржуазии буквально накануне того момента, когда ширившееся народное движение готово было смети абсолютизм. Весомость этого открытия была подкреплена присуждением автору Сталинской премии. Параллельно с этим невероятно активный московский профессор продолжал печатать работы на тему русско-шведских отношений и вообще международной политики XVII в. В 1948 г. началось также печатание цикла теоретических статей, названия которых говорили сами за себя: «Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазной революции», «История Средних веков и указание т. Сталина об “основной черте” феодального общества» и др. В библиотеках номера журнала с этими статьями рвали из рук. Б. Ф. Поршнев не только в собственных глазах выглядел ведущим теоретиком, рупором партийных установок в области истории.

Против демагогически ортодоксальных и в то же время поверхностных положений, безапелляционно выдаваемых за абсолютную истину, раньше и упорней всех выступили А. Д. Люблинская и О. Л. Вайнштейн. Их поддержали В. И. Рутенбург и ряд других ленинградских медиевистов. Великолепно знавшая французский материал, на котором базировалась увенчанная Сталинской премии монография Поршнева, и в то же время сама тщательно

изучавшая труды Маркса и иных классиков А. Д. Люблинская в своих лекциях, семинарах, публичных выступлениях, докладах вскрывала необоснованность и теоретическую несостоятельность поршневских рассуждений. Ею дезавуировались исследовательские приемы лауреата. Тот, как она обнаружила, мог в подтверждение своих выводов ссылаться, к примеру, на единственный в СССР экземпляр французского памфлета XVII в., который, побывав в руках Б. Ф. Поршнева, так и остался в неразрезанном виде. О. Л. Вайнштейн ставил акцент на историографических и методологических аспектах обсуждаемых проблем. Подчеркивал, что тезис о Фронде как неудавшейся буржуазной революции порожден неправомерной аналогией с идеей Ф. Энгельса о «буржуазной революции № 1» — немецкой Реформацией. Решительно отвергал попытку Поршнева вывести всю организацию феодального общества и государства — администрацию, суд, унификацию феодального права, дробление политической власти, феодальные войны, систему вассалитета и феодальную иерархию, городской строй и т. д. — из задач подавления крестьянского антифеодального сопротивления³³.

Ленинградские медиевисты и Б. Ф. Поршнев — это сюжет, который, должно быть, заслуживает специального рассмотрения. Здесь напомним лишь, что со стороны А. Д. Люблинской, замеченной в академизме и ошибках объективистского характера, и О. Л. Вайнштейна, заслужившего прочную репутацию космополита, выступления против поршневских концепций были актом гражданского мужества. Поршнев в период антикосмополитской кампании чувствовал себя как рыба в воде. Он принадлежал не к гонимым, а к гонителям и зорко высматривал среди коллег «сторонников меньшевистских взглядов на историю», «буржуазных объективистов» и пр. Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин и другие московские ученые, не признававшие поршневских теорий, но хорошо знавшие его самого, не зря соблюдали осторожность и прежде, чем выступить против его теоретических новаций, довольно долго готовили почву в Отделе науки ЦК ВКП(б)³⁴. Под нажимом этой высокой инстанции Поршневу поневоле пришлось признать ошибочность некоторых своих утверждений. Но стиль его работы потом мало изменился.

Для не посвященных в тайны университетской кадровой политики полной неожиданностью стало увольнение О. Л. Вайнштейна летом 1951 г. Проект надлежащего приказа по историческому факультету был подготовлен 18 июня. Его мотивировка: «ввиду сокращения работы кафедры и отсутствия поручений на 1951/52 учебный год» наводила на размышления. Обычно при сокращении нагрузки кого-нибудь из сотрудников переводили на полставки. А если уж увольнять, то почему одного из полутора профессоров на кафедре (М. В. Левченко был совместителем)? Вовсе не в духе времени было выгонять с работы члена партии, оставляя беспартийных преподавателей, которые на кафедре составляли большинство. Тем не менее

факультетская бумага пошла наверх, через неделю ректор А. А. Ильюшин издал свой приказ, а еще через месяц его утвердила Москва, Главное управление университетов Министерства высшего образования СССР.

В связи со всем этим университетское личное дело Осипа Львовича пополнилось еще одной характеристикой. Она по-своему любопытна. Ежели в факультетском приказе изгнание Вайнштейна объяснено чисто техническими причинами, то здесь декан В. Г. Брюнин и секретарь партбюро истфака М. Н. Кузьмин об этом ничего не писали. Зато они дали новое истолкование некоторым административным перемещениям прошлого, 1950 г. Вайнштейн, сказано в характеристике, «был освобожден от заведования кафедрой, как не обеспечивший развернутой критики своих собственных ошибок и борьбы с космополитизмом в трудах по своей специальности». Уход из библиотеки им. Горького представлен так: «Не сумел обеспечить должного порядка в работе библиотеки и был освобожден от занимаемой должности»³⁵.

Что потом происходило за кулисами, неизвестно, однако первого сентября того же года судьба вдруг улынулась Осипу Львовичу: Министерство приказалось его (уже уволенного!) перевести с 25 августа (задним числом!) «на постоянную работу в Киргизский государственный университет на должность профессора кафедры всеобщей истории»³⁶. По воспоминаниям Гутновой видно, что информация о необычном переводе распространилась не только по Ленинграду и, как водится, обросла разными слухами. Перечислив А. И. Неусыхина и других уволенных тогда москвичей, мемуаристка добавляет: «Другие «космополиты» пострадали больше. Известный ленинградский историк О. Л. Вайнштейн, заведующий кафедрой медиевистики ЛГУ, вынужден был на несколько лет уехать в Ташкент»³⁷.

Осип Львович, отбыв во Фрунзе (нынешний Бишкек), продолжил там преподавание, растил национальные кадры медиевистов. Своему тамошнему аспиранту А. А. Арзыматову он дал тему «Русско-шведские отношения в период Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. (по русским архивным материалам)», надеясь, что тому удастся показать конъюнктурность поршневской трактовки европейской политики XVII в. (диссертация Арзыматова будет защищена в 1954 г.). По меркам тех лет дела шли более или менее терпимо, если бы не то, что Партикомиссия Ленинградского обкома ВКП(б), в те дни чуть ли не гуртом очищавшая партийные ряды от лиц, на ее взгляд, как-то причастных к Ленинградскому и другим «делам», добралась и до него. О. Л. Вайнштейн был исключен из партии. В его университетском личном деле это трагически им воспринятое событие отражено только косвенно: подшип его запрос о посылке в Партикомиссию заполненной им в 1949 г. анкеты³⁸.

С началом хрущевской «оттепели» Осип Львович возвращается в Ленинград. Его восстановили в партии. Но на истфак ЛГУ он не вернулся, хотя

тогда и потом поддерживал с кафедрой самые добрые отношения. Долгие годы работал в Ленинградском отделении Института истории. Его труды этого периода лежат уже вне хронологических и тематических рамок данной статьи. И все-таки в конце ее, думаем, будет уместно коснуться двух книг, которые — впрочем, как и другие его историографические изыскания 1950–1970-х гг. — генетически восходят к монографии 1940 г., созданной на кафедре истории Средних веков Ленинградского университета и принесшей своему автору столько бед в годы космополитской кампании. Эти позднейшие книги О. Л. Вайнштейна чрезвычайно показательны для всей его научной деятельности. Они, пожалуй, наглядней всего дают представление о нем как ученом и человеке.

Фундаментальное исследование «Западноевропейская средневековая историография» (М.; Л., 1964) демонстрирует огромную эрудицию автора, который сумел проанализировать массу средневековых исторических сочинений и разобраться в посвященной им разноязычной литературе. Насыщенность, даже перенасыщенность материалом не мешает книге увлекать читателя оригинальностью и свободой авторской мысли. Можно не соглашаться с теми или иными даваемыми в ней оценками. Нам, например, представляется несколько наивной увлеченность ученого изобличением «фальсификации истории при помощи различных легенд». Но нельзя не отдать должного широте его кругозора, проницательности и новизне наблюдений.

Эрудиция и исследовательское мастерство присутствуют и в появившихся полтора десятилетия спустя «Очерках развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX вв.» (Л., 1979). Вайнштейн внимательно штудировал произведения Э. Дюркгейма, В. Дильтея, Дж. Дьюи и многих иных мыслителей, о которых тогда у нас либо совсем не слыхали, либо писали понаслышке, черпая сведения из третьих рук. Однако свойственная Вайнштейну самостоятельность в суждениях при этом уступает место предвзятому, догматическому подходу к исследуемым объектам, когда доминирует априорное отрижение всего, что не согласуется с установками того окостенелого и деформированного варианта марксизма, какой насаждалась в советскую эпоху.

Таким образом, в вышеназванных двух книгах отчетливо, почти в чистом, рафинированном виде воплотились два различных, по своей сути диаметрально противоположных исследовательских метода. Случай этот не то чтобы был уникальным, но в остальном научном наследии Осипа Львовича чаще всего оба противостоящих друг другу подхода выступают одновременно, в сложном взаимопереплете.

Очевидно, не будет слишком большим преувеличением сказать, что сюда и уходил своими корнями глубокий драматизм, присущий научной и педагогической деятельности Вайнштейна. Так, зримо проявившее себя в его

творческом наследии, если можно так выразиться, раздвоение личности, столкновение свободного творческого начала с догмой, которая не только диктовалась извне, но и въедалась в душу, не было уделом одного только профессора Осипа Львовича Вайнштейна. В той или иной мере эту коллизию разделяли с ним целые поколения советских историков.

Примечания

¹ Гуревич А. Я. Историк среди руин: Попытка критического прочтения мемуаров Е. В. Гутновой // Средние века. Вып. 63. М., 2002. С. 366.

² Гутнова Е. В. Пережитое. М., 2001.

³ Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки / Под ред. Л. И. Киселевой. СПб., 2001.

⁴ Архив СПбГУ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 258. О «деле» В. Н. Бенешевича — см.: Медведев И. П. В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 330–338.

⁵ См.: Научные труды О. Л. Вайнштейна / Сост. Л. Н. Корсакова, А. Ф. Тутова // Средние века. Вып. 51. М., 1988.

⁶ Вайнштейн О. Л. Историография Средних веков. М.; Л., 1940. С. 351.

⁷ Вайнштейн О. Л. Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 гг.: Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII в. [М.], 1947. С. 5.

⁸ Поршинев Б. Ф. [Рец. на]: Вайнштейн О. Л. Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. // Советская книга. 1948. № 8, С. 62.

⁹ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 5. М., 1985. С. 12.

¹⁰ См.: ЦГА. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1637. Л. 1–40.

¹¹ ЦГА. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1657. Л. 71–73.

¹² Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 335–336. Ср. ЦГАИПД. Ф. 984. Оп. 3. Ед. хр. 99. С. 87–99.

¹³ ЦГАИПД. Ф. 984. Оп. 3. Д. 99. Л. 32–51.

¹⁴ Вайнштейн О. Л. Историография. С. 324–325.

¹⁵ Вайнштейн О. Л. Россия и Тридцатилетняя война. С. 4.

¹⁶ См., напр.: Вайнштейн О. Л. Историография. С. 320–322, 345; Он же. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX вв. Л., 1979. С. 35.

¹⁷ Вайнштейн О. Л. Историография. С. 299.

¹⁸ Гутнова Е. В. Историография истории Средних веков. Изд. 2. М., 1985. С. 285.

¹⁹ Гутнова Е. В., Асиновская С. А. Грановский как историк // Грановский Т. Н. Лекции по истории Средневековья. М., 1986. С. 341.

²⁰ Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма и историографии Средних веков. М., 1963. С. 427.

²¹ Гутнова Е. В. Историография. С. 288.

- ²² Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. М., 1947. Т. 3. С. 353.
- ²³ Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики: 1917–1966. Л., 1968. С. 349.
- ²⁴ См.: Вайнштейн О. Л. Историография. С. 293.
- ²⁵ ЦГАИПД. Ф. 984. Оп. 3. Д. 99. Л. 126–134.
- ²⁶ ЦГАИПД. Ф. 984. Оп. 3. Д. 99. С. 161–165.
- ²⁷ ЦГА. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1637. Л. 105–106.
- ²⁸ Панеях В. М. Указ. соч. С. 335.
- ²⁹ ЦГАИПД. Ф. 984. Оп. 3. Д. 99. Л. 126–134.
- ³⁰ См.: Лебедева Г. Е., Якубский В. А. А. Д. Люблинская и кафедра истории Средних веков ЛГУ 1940–1950-х гг. //
- ³¹ Архив СПбГУ. Ф. 1. Оп. 37. Ед. хр. 82. Л. 84.
- ³² Там же. Л. 41.
- ³³ Позднее эта критика найдет отражение в монографии: Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. С. 176–177 и др.
- ³⁴ См.: Гутнова Е. В. Пережитое. С. 266–267.
- ³⁵ Архив СПбГУ. Ф. 1. Оп. 37. Ед. хр. 80. Л. 104.
- ³⁶ Там же. Л. 106.
- ³⁷ Гутнова Е. В. Пережитое. С. 263. Ср.: Гутнова Е. В. Советская медиевистика с серединой 30-х до конца 60-х годов // История и историки. М., 1960. С. 208.
- ³⁸ Архив СПбГУ. Ф. 1. Оп. 37. Ед. хр. 82. Л. 108.

А. Ю. Прокопьев

ЗАБЫТЫЙ ИСТОРИК РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: АЛЕКСАНДР ГЕРМАНОВИЧ ВУЛЬФИУС

Нет пророков в отечестве своем — слова, по праву соотносимые с деятельностью человека, место которого в науке может быть определено лишь спустя десятилетия. Имя Александра Германовича Вульфиуса до сих пор погружено в почти полное забвение. Оно удостоилось лишь беглых упоминаний в справочниках и историографических экскурсах. Даже теперь, когда, казалось бы, возможно писать обстоятельно и полно не только о великих мэтрах петербургской школы, но и об ученых, не стяжавших больших лавров при жизни, научная работа Вульфиуса — почти совершенно не исследованное поле. И первое, что приходит на ум в объяснении этого: не столько идеологическая невыдержанность его трудов на заре советской власти, сколько новаторство в подходах к эпохе гуманизма, Реформации и Контрреформации, новаторство, свойственное новейшей западной историографии и до сих пор не отраженное в трудах отечественных историков. Именно в новых взглядах, рвущих с предшествовавшей традицией, мы можем полней увидеть достижения скромного петербургского историка начала прошлого века.

Чтобы понять значение научной позиции А. Г. Вульфиуса, следует сказать несколько слов о весьма заметных достижениях современной, прежде всего немецкой историографии в области истории Реформации и религиозного раскола XVI в. Речь идет о парадигме конфессионализации, разработанной усилиями двух послевоенных поколений немецких историков. Конфессиональное общество, время конфессий — такими словами ныне обозначают немецкие коллеги эпоху, по привычке нами разумеемую как время Реформации, Контрреформации и Тридцатилетней войны, т. е. полтора столетия от выступления Лютера и до Вестфальского мира, раннее Новое вре-